Лермонтов

Демон.

1910

Ф., И., О. .....

Отд. ..... Должн. .....

Оклад ..... Зарплата за .....

Следует		Дн.	Сумма	Удер
За рабочее время	По тарифу . .			Заем
	По совмест.			Подохо
	Сдельно . . .			Культс
	Сверхурочно .			Исполн
	По среднему .			
	Доплата . . .			
За нераб. время	Отпуск . . .			
	Выходные дни			
	Компенс. за отп.			
Итого .				К вы

Дата .....

Руб. ..... прописью .....

Осн. расчета .....

Счетовод

РАСПИСКА

Получил _____

ТАН. 9 л. 12.—1456.—100.

„Ценному, художественному произведению" ценное, художественное издание. „Спутник" и „Маленький"

19 21.5. 19
3. 6

Б
Л-49

ДЕМОН

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Комм. Педагогический Ин-т
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 11582
имени Н. К. Крупской

Т-ВО
Р. ГОППЕ
А. БЕЛЯЕВЪ
СПБ.

Б-ка П. И.
переинвентариз. 1968 г.
ПРОВ. 2000

ДЕМОНЪ

М. Ю ЛЕРМОНТОВА

ИЛЛЮСТРАЦIИ А. ЭБЕРЛИНГА.

ИЗДАНIЕ Т-ВА Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ :1910: ЗВЕНИГОРОДСК 11

Библиотека Акад. ком. воспит. им. Н. К. Крупской
Акад. ком. воспит. Спец. фонд им. Н. К. Крупской
Пров. 50
Пед. институт им. А. И. Герцена 300115
Комм. Педагогический Институт Библиотека Инв. № 11582 имени Н. К. Крупской
11582

Текстъ настоящаго изданія поэмы „Демонъ“ тождественъ съ текстомъ изданія, отпечатаннаго въ г. Карлсруэ въ 1857 г. въ придворной типографіи В. Гаспера.

М. Ю. Лермонтовъ въ 1837 г.

Репродукція съ собственноручнаго акварельнаго портрета М. Ю. Лермонтова подареннаго имъ Варварѣ Александровнѣ Бахметевой, урожденной Лопухиной.

ЧАСТЬ I.

I.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей;
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой,—
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ;
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья,—
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья.

И не грозилъ уму его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый . . .
И много, много . . . . . и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы.

II.

Давно отверженный блуждалъ
Въ пустынѣ міра безъ пріюта.
Во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья;
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья,—
И зло наскучило ему.

III.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,

И глубоко внизу чернѣл,
Какъ трещина, жилище змѣя,—
Вился излучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ,—и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали;
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ; но гордый духъ
Презрительно окинулъ окомъ

Твореньe Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего. . . .

IV

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя руины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющомъ;
Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени;
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,

Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ Грузинки молодой. . .
Но, кромѣ зависти холодной,
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплодной,
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ,—
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, иль ненавидѣлъ.

V.

Высокій домъ, широкій дворъ *)
Сѣдой Гудалъ себѣ построилъ . . . .
Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
Рабамъ послушнымъ съ давнихъ поръ.
Съ утра на скатъ сосѣднихъ горъ

*) Здѣсь четыре стиха замараны; вмѣсто *широкій*, прежде написано было *крѣпкій*.—Изреченіе курсивомъ замѣняетъ другое, которое разобрать нельзя.

Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;
Въ скалѣ нарублены ступени:
Онѣ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелькая.
Покрыта бѣлою чадрой, *)
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходитъ за водой.

VI.

Всегда безмолвно на долины
Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;
Но пиръ большой сегодня въ немъ,
Звучитъ зурна **) и льются вины:
Гудалъ сосваталъ дочь свою;
На пиръ онъ созвалъ всю семью.
На кровлѣ, устланной коврами,
Сидитъ невѣста межъ подругъ;
Средь игръ и пѣсень ихъ досугъ
Проходитъ. Дальними горами

*) Покрывало (ударение означено авторомъ).
**) Въ родѣ волынки.

Ужъ спрятанъ солнца полукругъ. *)
Въ ладони мѣрно ударяя,
Онѣ поютъ, и бубенъ свой
Беретъ невѣста молодая. - -
И вотъ она, одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится легче птицы.
То остановится, — глядитъ,
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ-подъ завистливой рѣсницы;
То черной бровью поведетъ,

*) На семъ стихѣ кончалась строфа и начинались слѣдующіе, вымаранные:

И вотъ невѣста молодая
Беретъ свой бубенъ расписной,
Въ ладони мѣрно ударяя,
Запѣли всѣ; одной рукой
Кружа его надъ головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла міръ земной.
Ея узорною повязкой
Играетъ вѣтеръ; какъ волна,
Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко;
Уста блѣднѣютъ и дрожатъ;
И жадной страсти полонъ взглядъ
Какъ страсть палящей и глубокой.

То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья дѣтскаго полна. —
Но лучъ луны, по влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едва ль сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость, живой.

VII.

Клянусь полночною звѣздой,
Лучемъ *) заката и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единый Царь земной
Не цѣловалъ такого ока;
Гарема брызжущій фонтанъ
Ни разу, жаркою порою,
Своей жемчужною росою
Не омывалъ подобный станъ;

*) Это слово было вычеркнуто, потомъ возстановлено точками.

Еще ни чья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела;
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ юга не цвѣла.

VIII.

Въ послѣдній разъ она плясала. *)
Увы! заутра ожидала
Ее, наслѣдницу Гудала, **)
Свободы рѣзвое дитя,
Судьба печальная рабыни.

*) Первые девять стиховъ сей строфы замѣнили сначала написанные слѣдующіе семь стиховъ:

VIII.

На ней былъ свѣтлый отпечатокъ
Небесной родины людей,
Величья прежняго остатокъ,
Отливъ померкнувшихъ лучей.
Въ ней было то *полуземное*,
Что ищетъ сердце молодое
Въ пылу затѣйливой мечты.

**) Вписокъ послѣ.

Отчизна чуждая понынѣ *)
И незнакомая семья.
И часто тайное сомнѣнье **)
Темнило свѣтлыя черты;
Но были всѣ ея движенья
Такъ стройны, полны выраженья,
Такъ полны милой простоты,
Что если бъ Демонъ, пролетая,
Въ то время на нее взглянулъ,
То, прежнихъ братій вспоминая,
Онъ отвернулся бъ—и вздохнулъ.

IX.

И Демонъ видѣлъ .... На мгновенье,
Неизъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ.
НѢмой душиц его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ,
И вновь постигнулъ онъ святыню

*) Слово *чуждая* перемарано.

**) ВмѢсто: *и часто*, авторъ прежде написалъ было но рѢдко.

Любви, добра и красоты.
И долго сладостной картиной
Онъ любовался;—и мечты
О прежнемъ счастьѣ, цѣпью длинной,
Какъ будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ катилися тогда.
Прикованный незримой силой
Онъ съ новой грустью сталъ знакомъ:
Въ немъ чувство вдругъ заговорило
Роднымъ когда-то языкомъ.
То былъ ли признакъ возрожденья?
Онъ словъ коварныхъ искушенья
Найти въ умѣ своемъ не могъ . . .
Забыть?—забвенья не далъ Богъ,
Да онъ и не взялъ бы забвенья . . .

. . . . . .

X

Измучивъ добраго коня,
На брачный пиръ, къ закату дня,
Спѣшилъ женихъ нетерпѣливый.
Арагвы свѣтлой онъ счастливо

Достигъ зеленыхъ береговъ. —
Подъ тяжкой ношею даровъ
Едва, едва переступая,
За нимъ верблюдовъ длинный рядъ
Дорогой тянется, мелькая:
Ихъ колокольчики звенятъ . .
Онъ самъ, властитель Синодала,
Ведетъ богатый караванъ.
Ремнемъ затянутъ ловкій станъ;
Оправа сабли и кинжала
Блеститъ на солнцѣ; за спиной
Ружье съ насѣчкой вырѣзной;
Играетъ вѣтеръ рукавами
Его чухи *); кругомъ она
Вся галуномъ обложена.
Цвѣтными вышито шелками
Его сѣдло; узда съ кистями;
Подъ нимъ весь въ мылѣ конь лихой,
Безцѣнной масти золотой.—
Питомецъ рѣзвый Карабаха,

*) Верхняя одежда съ откидными рукавами.

Прядетъ ушьми, и, полный страха,
Храпя, косится съ крутизны
На пѣну скачущей волны.
Опасенъ, узокъ путь прибрежный:
Утесы съ лѣвой стороны,
На право глубь рѣки мятежной.
Ужъ поздно.—На вершинѣ снѣжной
Румянецъ гаснетъ; всталъ туманъ....
Прибавилъ шагу караванъ.

XI.

И вотъ часовня на дорогѣ....
Тутъ съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.—
Съ тѣхъ поръ, на праздникъ, иль на битву,
Куда бы путникъ ни спѣшилъ,
Всегда усердную молитву
Онъ у часовни приносилъ:
И та молитва сберегала
Отъ мусульманскаго кинжала.
Но презрѣлъ удалой женихъ

Обычай прадѣдовъ своихъ;
Его, коварною мечтою,
Лукавый Демонъ возмущалъ:
Онъ въ мысляхъ подъ ночною тьмою
Уста невѣсты цѣловалъ . . .
Вдругъ впереди мелькнули двое,
И больше . . . Выстрѣлъ . . . Что такое?
Привставъ на звонкихъ *) стременахъ,
Надвинувъ на брови папахъ, **)
Отважный Князь не молвилъ слова;
Въ рукѣ сверкнулъ турецкій стволъ,
Нагайка щелкъ—и какъ орелъ
Онъ кинулся,—и выстрѣлъ снова.
И дикій крикъ, и стонъ глухой
Промчались въ глубинѣ долины.
Недолго продолжался бой:
Бѣжали робкіе Грузины!

*) Стремена у Грузинъ въ родѣ башмаковъ изъ звонкаго желѣза.

**) Шапка, въ родѣ эриванки.

XII.

Затихло все. Тѣснясь толпой,
На трупы *) всадниковъ порой,
Верблюды съ ужасомъ глядѣли;
И глухо въ тишинѣ степной
Ихъ колокольчики звенѣли.
Разграбленъ пышный караванъ,
И надъ тѣлами христіанъ
Чертитъ круги ночная птица!
Не ждетъ ихъ мирная гробница
Подъ слоемъ монастырскихъ плитъ,
Гдѣ прахъ отцевъ ихъ былъ зарытъ;
Не придутъ сестры съ матерями,
Покрыты длинными чадрами,
Съ тоской, рыданьемъ и мольбами,
На гробъ ихъ изъ далекихъ мѣстъ!
За то усердною рукою
Здѣсь, у дороги, подъ скалою,

*) Слово *на трупы* замарано; было иначе написано, но разобрать нельзя.

На память водрузится крестъ;
И плющъ, разросшійся весною,
Его, ласкаясь, обовьетъ
Своею сѣткой изумрудной;
И своротивъ съ дороги трудной,
Не разъ усталый пѣшеходъ
Подъ Божьей тѣнью отдохнетъ.

XIII.

Несется конь быстрѣе лани,
Храпитъ и рвется будто къ брани;
То вдругъ осадитъ на скаку,
Прислушается къ вѣтерку,
Широко ноздри раздувая;
То разомъ въ землю ударяя,
Шипами звонкими копытъ,
Взмахнувъ растрепанною гривой,
Впередъ безъ памяти летитъ.
На немъ есть всадникъ молчаливый;
Онъ бьется на сѣдлѣ порой,
Припавъ на гриву головой,
Ужъ онъ не правитъ поводами.

Задвинувъ ноги въ стремена,
И кровь широкими струями
На чепракѣ его видна.
Скакунъ *лихой, ты* господина *)
Изъ боя вынесъ какъ стрѣла;
Но злая пуля Осетина
Его во мракѣ догнала!

XIV

Въ семьѣ Гудала плачъ и стоны,
Толпится на дворѣ народъ.
Чей конь примчался запаленный, **)
И палъ на камни у воротъ?
Кто этотъ всадникъ бездыханный?
Хранили слѣдъ тревоги бранной
Морщины смуглаго чела.

*) Вмѣсто словъ: *лихой ты*, было сперва написано *надежный*.

**) Послѣ третьяго стиха, былъ прежде написанъ стихъ:

Кто блѣдный всадникъ у воротъ?

и за онымъ слѣдовалъ стихъ *одиннадцатый* и слѣдующіе.

Стихи отъ 5-го до 10-го включительно приписаны послѣ на боку, а стихъ *кто блѣдный* и проч. вымаранъ.

Комп. Педагогическая
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 11582
имени Н. К. Крупской

Въ крови оружіе и платье;
Въ послѣднемъ бѣшеномъ пожатьѣ
Рука на гривѣ замерла.
— Недолго жениха младова,
Невѣста, взоръ твой ожидалъ!
Сдержалъ онъ княжеское слово:
На брачный пиръ онъ прискакалъ . . .
Увы! но никогда ужъ снова
Не сядетъ на коня лихова! . . .

XV.

На беззаботную семью
Какъ громъ слетѣла Божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдаетъ бѣдная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышитъ . . .
И вотъ она какъ будто слышитъ
Волшебный голосъ надъ собой:
„Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
Твоя слеза на трупъ безгласный
Живой росой не упадетъ:

УДЕРЖАЛТЕ ОНЪ КНЯЖЕСКОЕ ТѢЛО

Она лишь взоръ туманитъ ясный,
Ланиты дѣвственныя жжетъ;
Онъ далеко, онъ не узнаетъ,
Не оцѣнитъ тоски твоей;
Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ
Безплотный взоръ его очей;
Онъ слышитъ райскіе напѣвы . . . .
Что жизни мелочные сны,
И стонъ, и слезы бѣдной дѣвы
Для гостя райской стороны?
Нѣтъ, жребій смертнаго творенья,
Повѣрь мнѣ, ангелъ мой земной,
Не стоитъ одного мгновенья
Твоей печали дорогой".

„На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ, безъ слѣда,
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.

Часъ разлуки, часъ свиданья —
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья.
И прошедшаго не жаль.
Въ день томительный несчастья
Ты объ нихъ лишь вспомяни;
Будь къ земному безъ участья
И безпечна, какъ они!“

„Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчитъ;
Лишь только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травою.
И птичка, спрятанная въ ней
Порхнетъ во мракѣ веселѣй;
И подъ лозою виноградной,
Росу небесъ глотая жадно,
Цвѣтокъ распустится ночной;
Лишь только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горы тихонько встанетъ
И на тебя украдкой взглянетъ, —

Къ тебѣ я стану прилетать.
Гостить я буду до денницы
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать . . . . . "

XVI.

Слова умолкли; въ отдаленьи,
Во слѣдъ за звукомъ умеръ звукъ
Она, вскочивъ, глядитъ вокругъ
Невыразимое смятенье
Въ ея груди; печаль, испугъ,
Восторга пылъ—ничто въ сравненьи
Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жиламъ пробѣгалъ.
И этотъ голосъ чудно новый.
Ей мнилось, все еще звучалъ.
И передъ утромъ сонъ желанный
Глаза усталые смежилъ;
Но мысль ея онъ возмутилъ
Мечтой пророческой и странной.
Пришлецъ туманный и нѣмой,

Красой блистая неземной,
Къ ея склонился изголовью;
И взоръ его съ такой любовью,
Такъ грустно на нее смотрѣлъ,
Какъ будто онъ объ ней жалѣлъ.
То не былъ ангелъ-небожитель
Ея Божественный хранитель:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшалъ его кудрей;
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ,—о нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!

Я ВЯНУ ЖЕРТВА ЗЛОЙ ОБИДЫ

ЧАСТЬ II.

I

„Отецъ! отецъ! оставь угрозы,
Свою Тамару не брани . .
Я плачу. Видишь эти слезы?
Уже не первыя они *).
Не буду я ни чьей женою —
Скажи моимъ ты женихамъ:
Супругъ мой взятъ сырой землею

*) Послѣ первыхъ четырехъ стиховъ написаны были слѣдующіе:

Напрасно женихи толпою
Спѣшатъ сюда изъ дальнихъ мѣстъ . . .
Не мало въ Грузіи невѣстъ!
А мнѣ не быть ни чьей женою! . . .
О, не брани, отецъ, меня.
Ты самъ замѣтилъ: день отъ дня
Я вяну, жертва злой отравы!
Меня терзаетъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой;
Я гибну, сжалься надо мной!

Другому сердца не отдамъ
Съ тѣхъ поръ, какъ трупъ его кровавый
Мы схоронили подъ горой.
Меня тревожитъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой;
Въ тиши ночной меня смущаетъ
Толпа печальныхъ, странныхъ сновъ:
Молиться днемъ душа не можетъ
Мысль далеко отъ звука словъ;
Огонь по жиламъ пробѣгаетъ
Я сохну, вяну день отъ дня
Отецъ! душа моя страдаетъ
Отецъ мой, пощади меня!
Отдай въ священную обитель
Дочь безразсудную свою:
Тамъ защититъ меня Спаситель,
Предъ Нимъ тоску мою пролью.
На свѣтѣ нѣтъ ужъ мнѣ веселья
Святыни миромъ осѣня,
Пусть приметъ сумрачная келья,
Какъ гробъ, заранѣе меня".

II

И въ монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли
Но и въ монашеской одеждѣ,
Какъ подъ узорною парчей,
Все беззаконною мечтой
Въ ней сердце билося какъ прежде
Предъ алтаремъ, при блескѣ свѣчъ,
Въ часы торжественнаго пѣнья,
Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася рѣчь.
Подъ сводомъ сумрачнаго храма
Знакомый образъ иногда
Скользилъ безъ звука и слѣда;
Въ туманѣ легкомъ онміама
Сіялъ онъ *тихо*, какъ звѣзда; *)
Манилъ и звалъ онъ .... но куда?

*) На мѣсто *тихо* поставлено было прежде другое слово, котораго нельзя разобрать.

III

Въ прохладѣ межъ двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинаръ и тополей рядами
Онъ окруженъ былъ—и порой,
Когда ложилась ночь въ ущельи,
Сквозь нихъ мелькала, въ окнахъ кельи,
Лампада схимницы младой. *)
Кругомъ въ тѣни деревъ миндальныхъ,
Гдѣ рядъ стоитъ крестовъ печальныхъ,
Безмолвныхъ сторожей гробницъ,
Спѣвались хоры легкихъ птицъ;
По камнямъ прыгали, шумѣли
Ключи студеною волной,
И подъ нависшею скалой,
Сливаясь дружески въ ущельи,
Катились дальше, межъ кустовъ,
Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.

*) Прежде: грѣшницы

IV.

На сѣверъ видны были горы;
При блескѣ утренней авроры,
Когда синѣющій дымокъ
Курится въ глубинѣ долины.
И, обращаясь на востокъ.
Зовутъ къ молитвѣ муэззины;
И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая;
Въ торжественный и мирный часъ,
Когда Грузинка молодая
Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
Съ горы спускается крутой,
Вершины цѣпи снѣговой
Свѣтло-лиловою стѣной,
На чистомъ небѣ рисовались.
А въ часъ заката одѣвались
Онѣ румяной пеленой.
И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоялъ, всѣхъ выше головой,

Казбекъ, Кавказа царь могучій.
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой

V.

Но, полно думою преступной,
Тамары сердце недоступно
Восторгамъ чистымъ.—Передъ ней
Весь міръ одѣтъ угрюмой тѣнью;
И все ей въ немъ—предлогъ мученью,
И утра лучъ, и мракъ ночей
Бывало только ночи сонной
Прохлада землю обоймет, ъ
Передъ *божественной* иконой *)
Она въ безумьи упадетъ
И плачетъ: и въ ночномъ молчаньи
Ея тяжелое рыданье
Тревожитъ путника вниманье, **)

*) Вмѣсто *божественной*, было другое какое-то слово, которое не могъ разобрать.

**) И трель живую соловья,
Сквозь шумъ далекаго ручья,
Порою разбросавъ на плечи
Волну кудрей своихъ, она
Стоитъ безъ мысли, холодна.

И мыслитъ онъ: „то горный духъ
Прикованный въ пещерѣ стонетъ!“
И чуткой напрягая слухъ,
Коня измученнаго гонитъ

VI.

Тоской и трепетомъ полна,
Тамара часто у окна
Сидитъ въ раздумьи одинокомъ,
И смотритъ вдаль прилежнымъ окомъ,
И цѣлый день, вздыхая, ждетъ . . .
Ей кто-то шепчетъ: „онъ придетъ!“
Не даромъ сны ее ласкали,
Не даромъ онъ являлся ей,
Съ глазами полными печали
И чудной нѣжностью рѣчей.
Ужъ много дней она томится,
Сама не зная почему;

И страстныя лепечутъ рѣчи
Ея дрожащія уста.
Желанье грудь ея волнуетъ,
И чудный призракъ ей рисуетъ
Предъ нею въ сумракѣ, мечта!

Святымъ захочетъ ли молиться.
А сердце молится *ему;* *)
Утомлена борьбой всегдашней
Склонится ли на ложе сна:
Подушка жжетъ, ей душно, страшно,
И вся, вскочивъ, дрожитъ она;
Пылаютъ грудь ея и плечи, **)
НѢтъ силъ дышать, туманъ въ очахъ,
Объятья жадно ищутъ встрѢчи,
Лобзанья таютъ на устахъ . . . .

. . . . . .

. . .

VII.

Вечерней мглы покровъ воздушный
Ужъ холмы Грузіи одѢлъ.
ПривычкѢ сладостной послушный,
Въ обитель Демонъ прилетѢлъ.
Но долго, долго онъ не смѢлъ

*) Подчеркнуто авторомъ.

**) ВмѢсто сего стиха, прежде написанъ былъ слѢдующій:

Трепещетъ грудь, пылаютъ плечи.

Святыню мирнаго пріюта
Нарушить.—И была минута
Когда казался онъ готовъ
Оставить умыселъ жестокій.
Задумчивъ у стѣны высокой
Онъ бродитъ; отъ его шаговъ
Безъ вѣтра листъ въ тѣни трепещетъ.
Онъ поднялъ взоръ: ея окно,
Озарено лампадой, блещетъ;
Кого-то ждетъ она давно.
И вотъ, средь общаго молчанья
Чингара *) стройное бряцанье
И звуки пѣсни раздались;
И звуки тѣ лились, лились,
Какъ слезы, мѣрно другъ за другомъ;
И эта пѣснь была нѣжна,
Какъ будто для земли она
Была на небѣ сложена.
Не Ангелъ ли съ забытымъ другомъ
Вновь повидаться захотѣлъ,

*) Чингаръ, чингура, родъ гитары.

Сюда украдкою слетѣлъ,
И о быломъ ему пропѣлъ,
Чтобъ усладить его мученье?
Тоску любви, ея волненье
Постигнулъ Демонъ въ первый разъ.
Онъ хочетъ въ страхѣ удалиться,
Его крыло не шевелится!
И чудо! изъ померкшихъ глазъ
Слеза тяжелая катится . . .
Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный виденъ камень.
Слезою жаркою, какъ пламень,
Не человѣческой слезой! . .

VIII.

И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой открытой для добра,
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ будто въ первое свиданье,

Спознались съ гордою душой;
То было злое предвѣщанье . . .
Онъ входитъ; смотритъ, передъ нимъ
Посланникъ рая — Херувимъ,
Хранитель грѣшницы прекрасной,
Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ . . .
И лучъ Божественнаго свѣта
Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И вмѣсто сладкаго привѣта
Раздался тягостный укоръ:

IX.

„Духъ безпокойный, духъ порочный,
Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ,
Зло не дышало здѣсь понынѣ!
Къ моей любви, къ моей святынѣ
Не пролагай преступный слѣдъ!
Кто звалъ тебя?“
Ему въ отвѣтъ

Злой духъ коварно усмѣхнулся; *)
Зардѣлся ревностію взглядъ,
И вновь въ душѣ его проснулся
Старинной ненависти ядъ.
„Она моя,“ сказалъ онъ грозно,
„Оставь ее, она моя!
Явился ты, защитникъ, поздно,
И ей, какъ мнѣ, ты не судья.
На сердце полное гордыни
Я наложилъ печать мою:
Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни,
Здѣсь я владѣю, и люблю!“ —
И Ангелъ грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ,
И, медленно, взмахнувъ крылами,
Въ эѳирѣ неба потонулъ . . .
. . . . . .

*) Прежде было: *улыбнулся.*

X.

Тамара.

О, кто ты? рѣчь твоя опасна! *)
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
Чего ты хочешь?

Демонъ.

Ты прекрасна!

Тамара.

Но молви, кто ты?.. отвѣчай!

Демонъ.

Я тотъ, которому внимала
Ты въ полуночной тишинѣ,
Чья мысль душѣ твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образъ видѣла во снѣ.
Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ,
Едва надежда расцвѣтетъ;
Я тотъ, кого никто не любитъ,
И все живущее клянетъ;

*) Прежде: *ужасна.*

Ничто пространство мнѣ и годы;
Я бичъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло природы,
И видишь — я у ногъ твоихъ!
Тебѣ принесъ я въ умиленьи
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первыя мои.
О, выслушай изъ сожалѣнья!
Меня добру и небесамъ
Ты возвратить могла бы словомъ;
Твоей любви святымъ покровомъ
Одѣтый, я предсталъ бы тамъ.
Какъ новый ангелъ въ блескѣ новомъ.
О! только выслушай, молю,
Я рабъ твой, я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидѣлъ, *)

*) Вмѣсто этихъ семи стиховъ прежде были слѣдующіе

Когда я въ первый разъ увидѣлъ
Твой чудный, твой волшебный взоръ

И тайно вдругъ возненавидѣлъ
Безсмертіе и власть мою.
Я позавидовалъ невольно
Неполной радости земной;
Не жить какъ ты мнѣ стало больно,
И страшно — розно жить съ тобой.
Въ безкровномъ сердцѣ лучъ нежданный
Опять затеплился живѣй,
И грусть на днѣ старинной раны
Зашевелилася какъ змѣй.
Что, безъ тебя, мнѣ эта вѣчность?
Моихъ владѣній безконечность?
Пустыя звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!

Тамара.

Оставь меня, о духъ лукавый!
Молчи, не вѣрю я врагу!

Я тайно вдругъ возненавидѣлъ
Мою свободу какъ позоръ.
Своею властью недовольный,
Я позавидовалъ невольно
Неполнымъ радостямъ людей.

Творецъ! . . . увы, я не могу
Молиться; гибельной отравой
Мой умъ слабѣющій объятъ.
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова — огонь и ядъ . . . *)
Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

Демонъ.

Зачѣмъ, красавица? — увы,
Не знаю; полонъ жизни новой
Съ моей преступной головы
Я гордо снялъ вѣнецъ терновый,
Я все былое бросилъ въ прахъ;
Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ!
Люблю тебя не здѣшней страстью.
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты.
Въ душѣ моей, съ начала міра,
Твой образъ былъ напечатленъ,

*) Въ этомъ стихѣ послѣднія два слова измѣнены; прежде, кажется, написано было: *сильнѣе жгутъ*, или что-то подобное.

Передо мной носился онъ
Въ пустыняхъ вѣчнаго эѳира.
Давно тревожа мысль мою,
Мнѣ имя сладкое звучало;
Во дни блаженства, мнѣ въ раю
Одной тебя недоставало.
О! если бъ ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка безъ раздѣленья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за добро — вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой,
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда жалѣть, и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Стараться все возненавидѣть
И все на свѣтѣ презирать!..
Лишь только Божіе проклятье
Исполнилось, съ того же дня
Природы жаркія объятья

На вѣкъ остыли для меня
Синѣло предо мной пространство, *)
Я видѣлъ брачное убранство
Свѣтилъ, знакомыхъ мнѣ давно . . .
Они текли въ вѣнцахъ изъ злата;
Но что же? — прежняго собрата
Не узнавало ни одно!
Изгнанниковъ себѣ подобныхъ
Я звать въ отчаяніи сталъ,
Но словъ, и лицъ, и взоровъ злобныхъ,
Увы! я самъ не узналъ.
И въ страхѣ, я, взмахнувъ крылами,
Помчался . . . но куда? зачѣмъ?
Не знаю. Прежними друзьями
Я былъ отвергнутъ; какъ эдемъ
Міръ для меня сталъ глухъ и нѣмъ
По вольной прихоти теченья,
Такъ поврежденная ладья
Безъ парусовъ и безъ руля
Плыветъ, не зная назначенья;

*) Прежде было: *сіяло*.

Такъ ранней утренней порой
Отрывокъ тучи громовой
Въ лазурной вышинѣ чернѣя,
Одинъ, нигдѣ пристать не смѣя,
Летитъ безъ цѣли и слѣда,
Богъ вѣсть, откуда и куда!
Но я людьми не долго правилъ.
Грѣху не долго ихъ училъ,
Все благородное безславилъ
И все прекрасное хулилъ.
Не долго . . . пламень чистой вѣры
Легко на вѣкъ я залилъ въ нихъ
А стоили ль трудовъ моихъ
Одни глупцы да лицемѣры?
И скрылся я въ ущельяхъ горъ;
И сталъ бродить какъ метеоръ
Во мракѣ полночи глубокой.
И мчался путникъ одинокой.
Обманутъ близкимъ огонькомъ;
И въ бездну падая съ конемъ
Напрасно звалъ — и слѣдъ кровавый
За нимъ вился по крутизнѣ .

Но злобы мрачныя забавы
Не долго нравились мнѣ! *)
Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ,
Какъ часто подымая прахъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Я шумно мчался въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть!
Что повѣсть тягостныхъ лишеній,
Трудовъ и бѣдъ толпы людской
Грядущихъ, прошлыхъ поколѣній,
Передъ минутою одной
Моихъ непризнанныхъ мученій?
Что люди? что ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!

*) Здѣсь вычеркнуты слѣдующіе шесть стиховъ:

Какъ часто на вершинѣ ледяной,
Одинъ, межъ небомъ и землей,
Подъ кровомъ радуги огнистой,
Сидѣлъ я мрачный и нѣмой.
И бѣлогривыя метели
Какъ львы у ногъ моихъ ревѣли.

Надежда есть: ждетъ правый судъ;
Простить онъ можетъ, хоть осудитъ!
Моя жъ печаль безсмѣнно тутъ
И ей конца, какъ мнѣ, не будетъ,
И не вздремнуть въ могилѣ ей!
Она, то ластится какъ змѣй,
То жжетъ и блещетъ будто пламень,
То давитъ мысль мою, какъ камень
Надеждъ погибшихъ и страстей *)
Несокрушимый мавзолей!

Тамара.

Зачѣмъ мнѣ знать твои печали,
Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
Ты согрѣшилъ . . . . . .

Демонъ.

Противъ тебя ли?

Тамара.

Насъ могутъ слышать! . . . .

Демонъ.

Мы одни.

*) Предъ *надеждъ*, одно слово зачеркнуто.

Тамара.

А Богъ!

Демонъ.

На насъ не кинетъ взгляда:
Онъ занятъ небомъ, не землей!

Тамара

А наказанье; муки ада?

Демонъ.

Такъ что жъ? ты будешь тамъ со мной!

Тамара.

Кто бъ ни былъ ты, мой другъ случайный,
Покой на вѣки погубя,
Невольно я съ отрадой тайной, *)
Страдалецъ, слушаю тебя
Но если рѣчь твоя лукава
Но если ты, обманъ тая
О! пощади .... Какая слава!
На что душа тебѣ моя?
Ужели небу я дороже

*) Вмѣсто слова *невольно*. было другое

Всѣхъ незамѣченныхъ тобой?
Онѣ, увы! прекрасны тоже;
Какъ здѣсь, ихъ дѣвственное ложе
Не смято смертнаго рукой! . . .
Нѣтъ! дай мнѣ клятву роковую . . .
Скажи,—ты видишь: я тоскую;
Ты видишь женскія мечты! *)
Невольно страхъ въ душѣ ласкаешь . . .
Но ты все понялъ, ты все знаешь
И сжалишься конечно ты! **)
Клянися мнѣ . . . отъ злыхъ стяжаній ***)
Отречься нынѣ дай обѣтъ! ****)
Ужель ни клятвъ, ни обѣщаній
Непарушимыхъ больше нѣтъ? . . . †)

Демонъ.

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ

*) Вмѣсто ты *видишь*, было *конечно*
**) Вмѣсто *конечно*, было *надъ мною*.
***) Вмѣсто *клянися мнѣ*, было *клянись теперь*.—Вмѣсто *стяжаній*, было *желаній*.
****) Вмѣсто *нынѣ*, было другое слово.
†) Вмѣсто *больше*, было *въ мірѣ*

Клянусь позоромъ преступленья
И вѣчной правды торжествомъ.
Клянусь паденья горькой мукой,
Побѣды краткою мечтой;
Клянусь свиданіемъ съ тобой
И вновь грозящею разлукой.
Клянуся сонмищемъ духовъ,
Судьбою братіи мнѣ подвластныхъ,
Мечами Ангеловъ безстрастныхъ,
Монхъ недремлющихъ враговъ;
Клянуся небомъ я, и адомъ,
Земной святыней и тобой;
Клянусь своимъ послѣднимъ взглядомъ,
Твоею первою слезой,
Незлобныхъ устъ твоихъ дыханьемъ,
Волною шелковыхъ кудрей;
Клянусь блаженствомъ и страданьемъ,
Клянусь любовію моей,—
Отрекся я отъ старой мести,
Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
Отнынѣ ядъ коварной лести
Ни чей ужъ не встревожитъ умъ;

Хочу я съ небомъ примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я вѣровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челѣ, тебя достойномъ,
Слѣды небеснаго огня;
И міръ въ невѣдѣньи спокойномъ
Пусть доцвѣтаетъ безъ меня!
О! вѣрь мнѣ: я одинъ понынѣ
Тебя постигъ и оцѣнилъ.
Избравъ тебя моей святыней,
Я власть у ногъ твоихъ сложилъ.
Твоей любви я жду какъ дара,
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ;
Въ любви, какъ въ злобѣ, вѣрь, Тамара,
Я неизмѣненъ и великъ.
Тебя я, вольный сынъ эѳира,
Возьму въ надзвѣздные края;
И будешь ты царицей міра,
Подруга первая моя;
Безъ сожалѣнья, безъ участья
Смотрѣть на землю станешь ты,

Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты,
Гдѣ преступленья лишь, да казни,
Гдѣ страсти мелкой только жить;
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить
Иль ты не знаешь что такое
Людей минутная любовь?-
Волненье крови молодое!
Но дни бѣгутъ и стынетъ кровь
Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки,
И своенравія мечты?
Нѣтъ! не тебѣ, моей подругѣ,
Узнай, назначено судьбой *)
Увянуть молча въ тѣсномъ кругѣ
Ревнивой грубости рабой,
Средь малодушныхъ и холодныхъ,
Друзей притворныхъ и враговъ;

*) Вмѣсто *узнай*, было *повѣрь*.

Боязней и надеждъ безплодныхъ,
Пустыхъ и тягостныхъ трудовъ!
Печально за стѣной высокой
Ты не угаснешь безъ страстей,
Среди молитвъ, равно далеко
Отъ божества и отъ людей.
О нѣтъ! прекрасное созданье,
Къ иному ты присуждена; *)
Тебя иное ждетъ страданье.
Иныхъ восторговъ глубина!
Оставь же прежнія желанья
И жалкій свѣтъ его судьбѣ:
Пучину гордаго познанья
Въ замѣнъ открою я тебѣ.
Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ;
Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ
Тебѣ, красавица, я дамъ;
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой,

*) Вмѣсто *присуждена* прежде было написано *назначена*.

Возьму съ цвѣтовъ росы полночной,
Его усыплю той росой;
Лучемъ румянаго заката
Твой станъ какъ лентой обовью;
Дыханьемъ чистымъ аромата
Окрестный воздухъ напою!
Всечасно дивною игрою
Твой слухъ лелѣять буду я;
Чертоги пышные построю
Изъ бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дамъ тебѣ все, все земное—
Люби меня! . . . . .

XI.

—И онъ слегка
Коснулся жаркими устами*)
Ея трепещущимъ губамъ;
Соблазна полными рѣчами

*) Было *прижался.*

Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ.
Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи.
Онъ жегъ ее.—Во мракѣ ночи
Надъ нею прямо онъ сверкалъ
Неотразимый какъ кинжалъ.
Увы, злой духъ торжествовалъ!
Смертельный ядъ его лобзанья
Мгновенно въ грудь ея проникъ.
Мучительный, ужасный крикъ *)
Ночное возмутилъ молчанье. —
Въ немъ было все: любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой,
И безнадежное прощанье —
Прощанье съ жизнью молодой . . .

. . . . . .

XII.

Въ то время сторожъ полуночный,
Одинъ вокругъ стѣны крутой
Свершая тихо путь урочный,

*) Послѣ слова *ужасный* было *но минутный; мучительный* приписано послѣ.

Бродилъ съ чугунною доской,
И возлѣ кельи дѣвы юной
Онъ шагъ свой мѣрный укротилъ
И руку надъ доской чугунной,
Смутясь душой, остановилъ.
И сквозь окрестное молчанье
Ему казалось, слышалъ онъ
Двухъ устъ согласное лобзанье,
Минутный крикъ и слабый стонъ
И нечестивое сомнѣнье
Проникло въ сердце старика,
Но пронеслось еще мгновенье —
И стихло все, издалека
Лишь дуновенье вѣтерка
Роптанье листьевъ приносило.
Да съ темнымъ берегомъ уныло
Шепталась горная рѣка.
Канонъ угодника святаго
Спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать,
Чтобъ навожденье духа злаго
Отъ грѣшной мысли отогнать;
Креститъ дрожащими перстами

Мечтой взволнованную грудь,
И, молча, скорыми шагами
Обычный продолжаетъ путь

. . .

XIII.

Какъ Пери спящая мила,
Она въ гробу своемъ лежала.
Бѣлѣй и чище покрывала
Былъ томный цвѣтъ ея чела.
На вѣкъ опущены рѣсницы. . .
Но кто бъ, о небо! не сказалъ.
Что взоръ подъ ними лишь дремалъ.
И, чудный, только ожидалъ
Иль поцѣлуя, иль денницы?
Но безполезно лучъ дневной
Скользилъ по нимъ струей златой.
Напрасно ихъ въ нѣмой печали
Уста родныя цѣловали, —
Нѣтъ, смерти вѣчную печать
Ничто не въ силахъ ужъ сорвать!

XIV.

Ни разу не былъ въ дни веселья
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Тамары праздничный нарядъ.
Цвѣты родимаго ущелья
(Такъ древній требуетъ обрядъ)
Надъ нею льютъ свой ароматъ
И, сжаты мертвою рукою,
Какъ бы прощаются съ землею!
И ничего въ ея лицѣ
Не намекало о концѣ *)
Въ пылу страстей и упоенья;
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, какъ смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ея устамъ;

*) Вмѣсто *намекало*, было *говорило*.

О многомъ грустномъ говорила
Она внимательнымъ глазамъ
Въ ней было хладное презрѣнье
Души готовой отцвѣсти,
Послѣдней мысли выраженье,
Землѣ беззвучное прости.
Напрасный отблескъ жизни прежней
Она была еще мертвѣй,
Еще для сердца безнадежнѣй
На вѣкъ угаснувшихъ очей.
Такъ въ часъ торжественный заката,
Когда растаявъ въ морѣ злата
Ужъ скрылась колесница дня,
Снѣга Кавказа, на мгновенье
Отливъ румяный сохраня,
Сіяютъ въ темномъ отдаленьѣ.
Но этотъ лучъ полуживой
Въ пустынѣ отблеска не встрѣтитъ,
И путь ни чей онъ не освѣтитъ
Съ своей вершины ледяной! . . . .

XV.

Толпой сосѣди и родные *)
Ужъ собрались въ печальный путь.
Терзая локоны сѣдые,
Безмолвно поражая грудь,
Въ послѣдній разъ Гудалъ садится
На бѣлогриваго коня —
И поѣздъ тронулся. — Три дня,
Три ночи, путь ихъ будетъ длиться.
Межъ старыхъ дѣдовскихъ костей
Пріютъ покойный вырытъ ей.
Одинъ изъ праотцевъ Гудала,
Грабитель странниковъ и селъ,
Когда болѣзнь его сковала
И часъ раскаянья пришелъ,
Грѣховъ минувшихъ въ искупленье
Построить церковь обѣщалъ
На вышинѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье.

*) Вмѣсто *толпой, было но вотъ.*

Куда лишь коршунъ залеталъ –
И скоро межъ снѣговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ,
И кости злаго человѣка
Вновь успокоился тамъ;
И превратилася въ кладбище
Скала родная облакамъ:
Какъ-будто ближе къ небесамъ
Теплѣй *послертное* жилище! *)
Какъ будто дальше отъ людей
Послѣдній сонъ не возмутится
Напрасно! мертвымъ не приснится
Ни грусть, ни радость прошлыхъ дней.

XVI.

Въ пространствѣ синяго эопра **)
Одинъ изъ ангеловъ святыхъ

*) Вмѣсто *послертное*, написано было *послѣднее*, но потомъ вымарано.—Послѣдніе четыре стиха сей строфы вписаны послѣ.

**) Вмѣсто сей строфы, была сначала написана слѣдующая:

Едва послѣдній стихъ прочли
Надъ прахомъ дочери Гудала,

Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ.
И душу грѣшную отъ міра
Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ.
И сладкой рѣчью упованья
Ея сомнѣнья разгонялъ,
И слѣдъ проступка и страданья

И горсть послѣдняя земли
О крышку гроба простучала,
И воскурился къ небесамъ
Кадилъ прощальный ѳиміамъ;
Едва лишь, за скалой сосѣдней,
Утихъ рыданій звукъ послѣдній,
Послѣдній шумъ людскихъ шаговъ—
Сквозь дымку сѣрыхъ облаковъ
Спустился Ангелъ легкокрылый,
И надъ покинутой могилой
Приникъ съ усердною мольбой
За душу грѣшницы младой;
И въ то же время царь порока
Туда примчался издалека,
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась;
По слѣду крылъ его тащилась
Багровой молніи струя,
Когда жъ онъ предъ собой увидѣлъ
Все, что любилъ и ненавидѣлъ,
То шумно мимо промелькнулъ;
И взоръ пронзительный кидая,
Посла потерянная рая
Улыбкой горькой упрекнулъ

Съ нея слезами онъ смывалъ -
Издалека ужъ звуки рая
Къ нимъ доносилися—какъ вдругъ, *)
Свободный путь пересѣкая,
Взвился изъ бездны адскій духъ.—
Онъ былъ могущъ какъ вихорь шумный.
Блисталъ какъ молніи струя.
И гордо въ дерзости безумной
Онъ говоритъ: „она моя!"

Къ груди хранительной прижалась
Молитвой ужасъ заглуша
Тамары грѣшная душа.
Судьба грядущаго рѣшалась
Предъ нею снова онъ стоялъ.
Но, Боже!—кто бъ его узналъ?
Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ
Какъ полонъ былъ смертельнымъ ядомъ
Вражды незнающей конца.
И вѣяло могильнымъ хладомъ
Отъ неподвижнаго лица.

*) Было *къ ней*.

— „Исчезни, мрачный духъ сомнѣнья!“
Посланникъ неба отвѣчалъ:
„Довольно ты торжествовалъ;
Но часъ суда теперь насталъ.
И благо Божіе рѣшенье!
Дни испытанія прошли;
Съ одеждой бренною земли
Оковы зла съ нея ниспали.
Узнай! давно ее мы ждали!
Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь — одно мгновенье
Невыносимаго мученья,
Недосягаемыхъ утѣхъ:
Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Они не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ!
Цѣной жестокой искупила
Она сомнѣнія свои....
Она страдала и любила —
И рай открылся для любви!..“
И Ангелъ строгими очами

ОСТАЛСЯ ОНЪ НЕУЛИМЕНЕНЪ
ОДИНЪ КАКЪ ПРЕЖДЕ ВО ВСЕЛЕННОЙ

На искусителя взглянулъ,
И радостно взмахнувъ крылами
Въ сіяньи неба потонулъ.
И проклялъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ, надменный,
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!....

На склонѣ каменной горы,
Надъ Кайшаурскою долиной
Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Разсказовъ страшныхъ для дѣтей
О нихъ еще преданья полны....
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный,
Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣетъ.
Внизу разсыпался аулъ,
Земля цвѣтетъ и зеленѣетъ.

И голосовъ нестройный гулъ
Теряется, — и караваны
Идутъ, звеня издалека.
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блеститъ и пѣнится рѣка.
И жизнью вѣчно молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною
Природа тѣшится шутя,
Какъ беззаботное дитя.

Но грустенъ замокъ, отслуживший
Когда-то въ очередь свою,
Какъ бѣдный старецъ, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждутъ луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда имъ праздникъ и свобода!
Жужжатъ, бѣгутъ во всѣ концы.
Сѣдой паукъ, отшельникъ новый
Прядетъ сѣтей своихъ основы;
Зеленыхъ ящерицъ семья
На кровлѣ весело играетъ,

И осторожная змѣя
Изъ темной щели выползаетъ
На плиту стараго крыльца:
То вдругъ совьется въ три кольца,
То ляжетъ длинной полосою,
И блещетъ, какъ булатный мечъ,
Забытый въ полѣ давнихъ сѣчъ,
Ненужный падшему герою! . . .
— Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ сметала,
И не напомнитъ ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его!

Но церковь на крутой вершинѣ,
Гдѣ взяты кости ихъ землей,
Хранима властію святой,
Видна межъ тучъ еще понынѣ
И у воротъ ея стоятъ
На стражѣ черные граниты,
Пластами снѣжными покрыты;

И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.
Обваловъ сонныя громады
Съ уступовъ, будто водопады
Морозомъ схваченные вдругъ,
Висятъ, нахмурившись, вокругъ.
И тамъ мятель дозоромъ ходитъ,
Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ,
То пѣсню долгую заводитъ,
То окликаетъ часовыхъ;
Услыша вѣсти въ отдаленьѣ
О чудномъ храмѣ, въ той странѣ,
Съ востока облака однѣ
Спѣшатъ толпой на поклоненье;
И надъ семьей могильныхъ плитъ
Давно никто ужъ не груститъ!
Скала угрюмаго Казбека
Добычу жадно сторожитъ,
И вѣчный ропотъ человѣка
Ихъ вѣчный миръ не возмутитъ.

Факсимиле рукописи М. Ю. Лермонтова
находящейся въ Лермонтовскомъ музеѣ
въ С.-Петербургѣ.

Демонъ.

(писано въ пансіонѣ въ началѣ 1830 го.)

1.

Печальной Демонъ духъ изгнанья
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснилися передъ нимъ.
Тѣхъ дней когда онъ не былъ злымъ
Когда глядѣлъ на славу Бога
Не отвращаясь отъ него;
Когда забота и тревога
Чуждалися ума его
Какъ дня боится мракъ могилы..
И много, много . . и всего
Представить не имѣлъ онъ силы.

~~[illegible]~~ Уныло ходилъ онъ тихо
~~[illegible]~~ въ пустынѣ міра . безконечность
его тревожить не могла
. . . . . . (x) онъ равнодушно видѣлъ вѣчность
Не зная ни добра ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды. —
Ему страданья были чужды. —
Онъ ихъ печатью роковой
все что къ нему ~~онъ~~ ни прикасалось;

И часто демонъ молодой
своимъ злодействамъ изумлялся:
Толпы людей влекалъ онъ въ тьму.
Душой измученною больной
Ничемъ не могъ онъ быть довольнымъ.
все горько сделалось ему,
И, все на светѣ презирая,
онъ жилъ, не веря ничему
И ничего не признавая. —

2.

однажды вечеромъ, межъ скалъ,
где шумъ валовъ
Въ ~~полночь, [illegible]~~
и надъ седой равниной моря,
~~однажды надъ [illegible] моря~~
Одинъ безъ радости безъ горя
Злой Демонъ пролеталъ
И устремивъ взоръ сердитый
[illegible] пустынныя равнины
И зритъ: Алеетъ надъ горой
стѣна обители святой
и башенъ странныхъ вершины.
Межъ облаковъ [illegible] тумана.
всплыла багровая
~~[illegible]~~ луна;
И въ усыпленную обитель
вступаетъ мрачный искуситель.
Онъ тихій и прекрасный: вдругъ
Сей вдругу [illegible] влiянье,

И чей-то голос. [illegible] слух
Он напрягает. Холод обхватит
Чело...: он хочет прочь [illegible] —
Его рамо не шевелится.
И — ~~[illegible]~~ чудо! — из помертвых глаз
Слеза сверкая покатится.

[illegible] [illegible] Неба [illegible] ~~[illegible]~~ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]

3.

Как много значит этот звук!
Века мгновенных упоений
Века страдания и мук
Века бушующих разрывлений
Все ожили все в нем — ~~[illegible]~~ опять;
~~[illegible]~~ [illegible] — [illegible]? — ему не [illegible]
~~[illegible]~~ — ~~[illegible]~~ так если [illegible],
~~[illegible]~~ [illegible] [illegible],
И солнца полумертвой луч
~~[illegible]~~ [illegible] отражается,
От ~~[illegible]~~ [illegible]
А ~~[illegible]~~ [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
И луч [illegible] [illegible] отразится
На сумрачная [illegible], она
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~ [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
И дальше, дальше [illegible]
[illegible] [illegible] полна

~~[illegible]~~ в [illegible] [illegible] [illegible],
~~[illegible]~~ [illegible]
[illegible] образ [illegible]
как будто [illegible] [illegible] [illegible],
Со страхом отвращает взор,
Он [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] влечет?..

. . . . облокотившись
С испанской мантильею она
Сидела молча у окна
И кудри черные скатившись
На бѣлы лилейныя плечи
Служили покрывалом ей.
И мыслила какой-то думой
Младая волновалась грудь.
Взоръ поднимая [illegible] утренней
Она [illegible]
Как будто о [illegible]
Глаза ея налиты слезами,
Как неба утра облака
Ее лилейная рука
Была [illegible]; и [illegible]
Согласно ~~съ ропотомъ подруги~~ отвѣчалъ ей.
И [illegible]
[illegible], [illegible]
[illegible] ~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
[illegible] и [illegible]
[illegible] злой [illegible]
Не [illegible] сердца допустит.
[illegible]
(И эту [illegible] он
Когда [illegible]
оставил с гордым сатаною.)
. . . .
. . . .

Она сидела
С испанской мантильей въ рукахъ,
И [illegible];
И [illegible] и черных
~~[illegible]~~ Демона бурнымъ [illegible] волнами,
[illegible] кудрей
[illegible],
На бѣлыхъ ~~[illegible]~~ [illegible] ей:

[Ее] лилейная рука
Бѣлая какъ утренний облака
На черномъ платьѣ отдѣлялась;
И отъ [illegible] ей,
[illegible]
Тоской [illegible] казалась
Была [illegible] сложена.
~~[illegible]~~ [illegible]
Въ окно, участiемъ полна
[illegible]
Смотрѣла синяя луна.

Глядѣла ясная луна
Въ окно [illegible]
[illegible]
И отвѣчала ей она.

[illegible]

Без искуства хотел — [illegible]..
Не находишь в себе искуства;
Живописи — [illegible] бога,
Любить — недоставало чувства.
~~[illegible]~~ Он [illegible] готов
Оставить поиски своих духов,
И без могущества без силы
Считаться посреди жрецов.
Как призрак вампира из могилы
И оторвавшись, бродит меж людей
Страшащийся явлений ночей...

~~Меня как падающую тень
По ветру свободы носящей,
Мой демон, всегда свободный,
Летучий [illegible] —
прочь — прочь от стекла, [illegible]
[illegible]
Нарушивший [illegible] головы
И [illegible] разрушенный,
Не прелесть звуков и видений.~~
Останется на душе его
И во памяти его останется:
Уж не [illegible] ничего.

~~[illegible]~~,
Что делать? — ночи мечты
[illegible] ~~[illegible]~~ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] в мертвых сердцах
когда мы [illegible]
[illegible]
~~[illegible]~~ [illegible]
[illegible]
и т. д.

И [illegible]
[illegible]
[illegible]
И [illegible] разрушенный.

Но кто же она? [illegible] сокрыта
въ пустынѣ, [illegible]
иль что [illegible],
И ею радостно [illegible]?
Иль храма [illegible]?
Съ ея душою [illegible]? —
Ея исторія ужасна,
Какъ въ то мгновенье [illegible]. —
Она оттуда [illegible]
И [illegible] ей
Старушка [illegible] . . .
Но, [illegible],
Любовью сердце испугала
~~[illegible]~~ . . . .
опасность [illegible] — [illegible]
Никто [illegible]. —
. . . .

Какъ часто [illegible] у окошка
[illegible] на [illegible] морской.
И часто [illegible]
въ [illegible] живой.
[illegible] буйными
и [illegible];
въ [illegible] крутой
[illegible];
а [illegible] — [illegible] —
[illegible],
Согласовала съ вашей бурей
Игру печальную струнъ своихъ. —

[illegible]
[illegible]
[illegible]; онъ [illegible]
[illegible],
И ~~[illegible]~~ [illegible]
онъ [illegible]
[illegible],
~~[illegible]~~
[illegible];
[illegible]; ~~[illegible]~~ и порой
[illegible].
— Онъ переведенъ на свой языкъ
[illegible]. [illegible]
[illegible] ~~[illegible]~~ [illegible]
~~[illegible]~~ [illegible]!

Но с той минуты храм немой
В ней [illegible] в ночи тёмной
Она молиться уж не будет.
И не играет, не поёт,
В холодной кельи [illegible]
В ней [illegible] холодный лёд,
И [illegible] шум, ни [illegible], ни [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] не [illegible].

5.

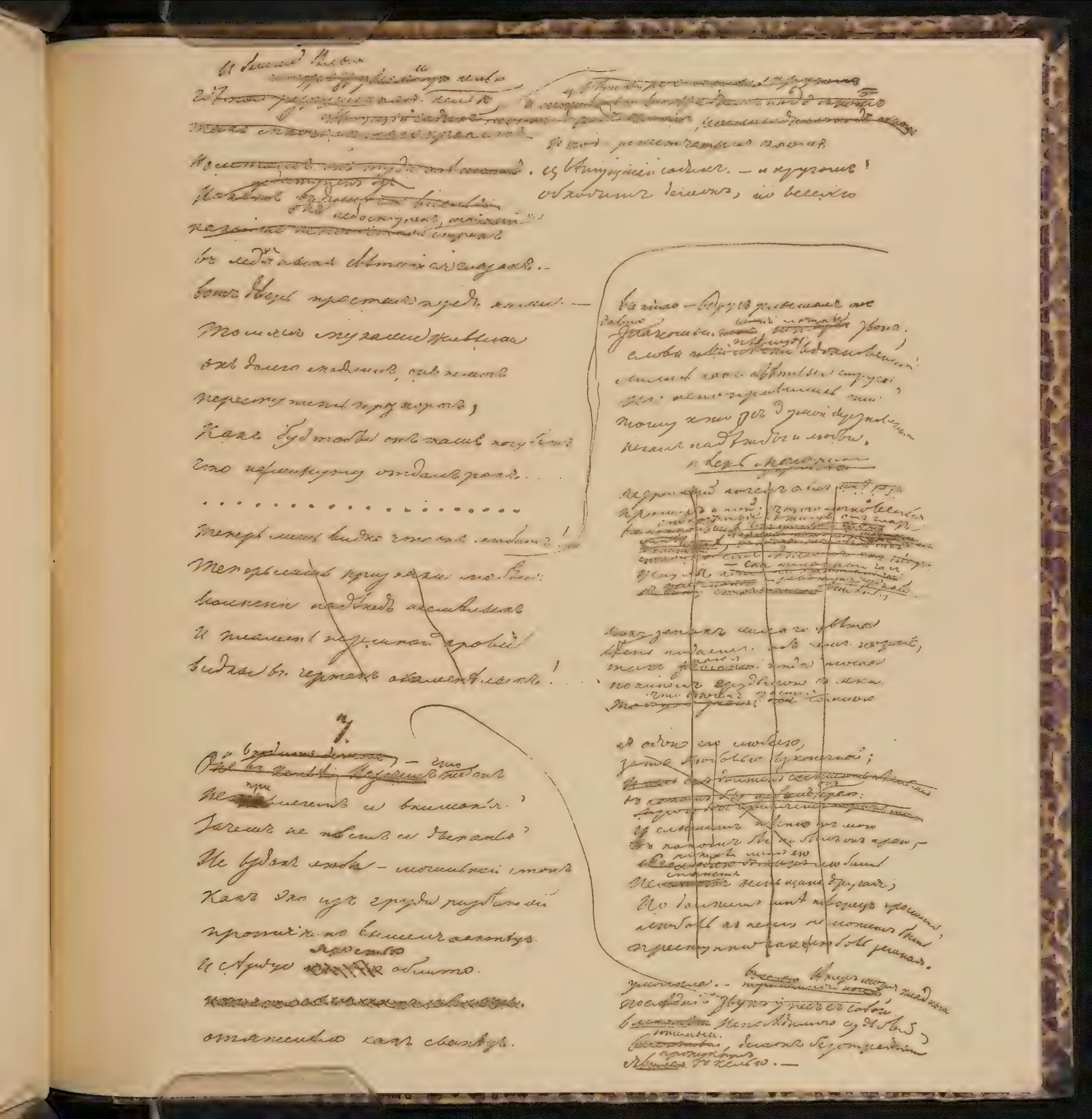
И ~~Адский~~ гордый Демон удалился
Он снова [illegible] с [illegible] [illegible],
Он на хребтах Дагестанских гор
В ледяной грот переселился,
Где под ~~хр~~ сводами хрустальны
Корой огнистого кремня,
Природы дивное творенья.
Ее красу дикой игры
Он наблюдает удивленья.
Составы [illegible] морозы,
Он их по ветру посылает
Велит им тучами блуждать
И над болотами [illegible].
Зловещий и ужасный шум. —
Когда ж метель утихнет и [illegible]
Он [illegible] [illegible],
Сдувает снег с их лица
И [illegible] [illegible] [illegible]...
И часто прежней пустотою
Он [illegible] [illegible]. [illegible]
[illegible] [illegible] пред [illegible] [illegible]:

И часто [illegible] [illegible]
Во [illegible] [illegible] [illegible],
Облака [illegible] туманы
Взвиваются ~~[illegible]~~ [illegible] в облаках,
Чтобы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
~~[illegible]~~ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
; Веселье [illegible] души [illegible]
И незабвенные забавы.

И пылкой холод неземной
Его пронзило содроганьем.
Утраченных по милости мгновенья
Огни потерянного рая;
Похожий [illegible],
Он задумается [illegible]
Любуясь на пожар трескучий. –
Отраду находит в злобе
Спокойный, как невиданный [illegible]
Сверкает вдруг [illegible] –
И гул повторяется [illegible].
Но всё не то [illegible] превосходит
что прежде; нет чудесный сон
прошел – любил он может – может –
И в самом деле любит он.
И хочет в путь опять пускаться
Чтоб с милой девой повидаться,
Чтоб раз ей в очи поглядеть
И невозвратно умереть...

6.

Едва блестящее светило
На небо южное взошло
И море синее [illegible]
Лучами утра озарило
Как Демон видит пред собой
Святую обитель святой,



Его рука остановилась
На воздухе. Святыя персты
Оледенилъ. Хоть взоръ отверзтъ: —
Въ немъ ничего не отразилось
Кромѣ презрѣнья: — но къ чему?
Что показалося ему?: —

8.

Посланникъ рая, ангелъ нѣжный
Хранитель юный, бѣлоснѣжный
Стоялъ съ блистающимъ челомъ,
Въ главахъ монахини прекрасной
И, отъ врага съ улыбкой ясной
Приосѣнялъ и хранилъ.
Онѣ щастливые свиданья!
И — ревность, зависть и злоба
Взыграли демонской душой. —
Онъ вышелъ твердою стопой.
Онъ вышелъ. Сколько чувствъ различныхъ
Съ давнишнихъ лѣтъ ему привычныхъ,
Въ душѣ мѣнялись! Сколько думъ
Мѣнялъ бурнокипящій умъ!..
Красавицу погибнуть надо.
Ее не пощадитъ онъ вновь.
Погибнетъ — прежняя любовь
Небудетъ для нее оградой!.

Как знать! он уже хотел
На путь спасенья возвратиться,
Забыть толпу недобрых дел,
Подвинуть сердце и оживиться.
Творца природы может быть
Вкусил бы демон сожаленье
И благодатное прощенье
Ему бы снова получить.
Но поздно! свой безумный рай
Вдруг разрушил злополучный ум
Как тот он ~~[illegible]~~ ревностью пылал,
А вместо слова вой издал
И след преступных, прошлых дум.
И вот облекшись в образ плотный
Обманчивой он призрак виде
Исполнен гневной и свободный.
Каким-то новым вдруг ~~[illegible]~~ облит.
Его опущенный храним,
Он хочет угадать [illegible].
На голове венец златой
Померкнувший и покрытый мглой.

Он ждет, чтоб светлый, бледная
Когда останется одна
Его пропала и падая,
Когда серебряная луна
Взойдет путеводной зарей
Он ожидает час ночной
Темнейший под покровом мглой,

[illegible]
[illegible] образ смертный ~~[illegible]~~ [illegible]
[illegible] ~~[illegible]~~ надеждой;
~~[illegible]~~ [illegible]
Но [illegible]! [illegible] — [illegible].

Для тайных встреч и наслаждений
И незаметных преступлений?
Он же к ней прокрадется туда,
~~[illegible]~~ обычаям угождений; —
И там, погубит навсегда
Предмет любви своей мучений! —

10.

Лампада в келье тускло горит.
Монахиня в тревоге сидит
И ~~[illegible]~~ [illegible] с страхом и [illegible],
Она как смерть [illegible] [illegible].

<u>Она</u>

~~[illegible]~~ страшный [illegible] [illegible]
[illegible] давно [illegible].
Из келии же [illegible] [illegible]?
[illegible] [illegible] [illegible]?
О [illegible]!? — [illegible]!
Что ты хочешь ~~[illegible]~~

<u>Дух</u>

— [illegible] прекрасна

<u>Она</u>

Кто ты?

<u>Дух</u>

Я демон, [illegible]
[illegible] [illegible] не нарушу.

и осквернить не могла

Не искупит прощенья ль душу.
К твоим ногам, томимый тобой
Полуночною мечтой
Зажглась первою звездой
Блестя первою весной.
Перестанешь и ты [illegible]
с тоскою грозной думы:
Грузный свет среди миров
Не смотрит [illegible] столетий. —
Не внимай ты грусти моей,
Не отвергай мои укоры:
Несправедливых приговоров
И за страсть осужденье.
Не зная радости [illegible]
Живу как миг и [illegible]
Как перелётный метеор
Отправлен в свет, без цели...
И сжатой грудью и головой
У Бога вашего прощенья.
В томлениях моих мучений
И не могу я разлюбить.
Но тщетно можешь ты омыть
Своей любовью непритворной
Что [illegible]
И [illegible] случайной, и позорной
Непростимую судьбу мою!. . .

. . . .

так говорит он, крепко
Он прижимая руку к ней.
И поцелуем пылким
Злого Демона погибших,
Она противится [illegible]
Слабела, плакала, горела
от [illegible]
Как божий [illegible] [illegible]

11.

Въ часы угрюмой непогоды
Въ осенній день когда [illegible]
[illegible], шумятъ воды,
Восточный вѣтеръ бушевалъ
И ~~тучи~~ [темно-] сѣрыми рядами
~~[illegible]~~ [Неслися тучи небесами],
Зловѣщій колокола звонъ
Какъ умирающаго стонъ
Раздался глухо подъ высокой.
Къ чему [illegible]?..
Не на молитвы поспѣшали
Въ обширной и высокой храмъ
Не душъ [illegible] желаньямъ
Свѣчи [illegible]: —
~~Въ [illegible]~~,
~~[illegible]~~;
И ~~[illegible]~~
На [illegible] гробъ [illegible]
Въ гробу мертвецъ [illegible] ~~[illegible]~~;
~~[illegible]~~, [illegible]
И невидимъ [illegible]?
И кто мертвецъ? — [illegible]
Остатокъ прежней красоты
Являютъ мертвыя черты.
[illegible]
И въ сердцѣ [illegible]
Сіи глаза не [illegible],
[illegible]

[illegible] душой,
[illegible], своенравной,
[illegible] [illegible] нервной
неразлучной вместе съ собой.

Из глаз до [illegible] [illegible]
[illegible]
Дух [illegible] к [illegible] [illegible]
Младая дева призывала:
[illegible] [illegible] была
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
Она на миг [illegible] [illegible]
Горели последний огнь,
[illegible] [illegible] [illegible]
Шептала [illegible] [illegible]:
и ты!.. помни... о!.. забудь друга!
своими сладкими устами...
ты .. друг .. забудешь...
ты был любим, и не любил.
[illegible] моё счастие, и [illegible] было.
[illegible] [illegible], и рано под [illegible]!

Но, что [illegible] [illegible]
тогда не поймёт [illegible] [illegible],

И жизнь монахини моей
Осталась [illegible]: —

Но говорят как прилично
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
И [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] над ним, [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ
[illegible] минувшихъ [illegible]
И времени оружiй разрушительной
[illegible] постепенно [illegible]
Высокихъ стѣнъ. — И храмъ священный
[illegible] бури и дождей
[illegible]
[illegible]
[illegible]:
[illegible] на [illegible]
[illegible]
И средь развалинъ стѣнъ святыхъ
[illegible] новой
[illegible] своихъ основъ.
[illegible] со стѣнъ [illegible]
[illegible]
Случалось мнѣ, бывало, [illegible]
[illegible] — и — [illegible]:
Забытой утвари
[illegible] падены
Среди развалинъ [illegible]
Вдругъ приводило въ удивленье
[illegible]
[illegible] встревоженнымъ [illegible]. —
Что [illegible] падало, то упало,
Что [illegible], то умерло давно: —
Что живо, то безсмертно [illegible]; —
Но время изъ [illegible] удержало
Воспоминанiе одно . . . . .

Мы говоримъ

И море [illegible] шумит
И [illegible] плещет и шумит
Когда волнами утешится
Объятъ бурливой [illegible];
[illegible] в море далекой;
На немъ [illegible];
[illegible]
~~[illegible]~~ [illegible]
~~[illegible]~~ [illegible] у [illegible] волна
И [illegible] ~~[illegible]~~ [illegible]
И удаляется [illegible]
[illegible].

13.

Над тихой [illegible] над [illegible]
[illegible] утренней порой
С глубокой думою стоял
[illegible], а [illegible] ~~[illegible]~~ [illegible]
И [illegible] утирал
Своей одеждой сапфирной.
И кудри мягкие [illegible]
С главы [illegible] упадали,
И крылья легкие [illegible]
Завивались [illegible].
~~[illegible]~~ и [illegible] над ~~[illegible]~~ [illegible] над [illegible]
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~

[illegible]
~~[illegible]~~ и [illegible]
[illegible]
[illegible]
~~[illegible]~~ [illegible]
[illegible]
~~[illegible]~~ и [illegible]
[illegible]
[illegible]
~~[illegible]~~ [illegible]

Вотъ тихо надъ крестомъ склонился.
Надгробной [illegible] молитвы
За душу дѣвы молодой.
Увы! напрасныя молитвы,
И страстныхъ [illegible] прошелъ....

Тогда ~~самый~~ какъ голубой
Духъ гордости и отверженья
Смотрѣлъ съ вершины дикихъ горъ, Безъ [illegible] ~~[illegible]~~, [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
Какъ будто прелести творенья
Неизгладимый ей укоръ.
Какъ свой бездушный въ доблестный
Былъ мраченъ и скученъ покой.
Онъ быстро молчаливо прошелъ,
И ~~тусклой, мрачной~~ бурливой, [illegible]
Пока потерянный рай
Въ глубокой горькой упрекнулъ....

1.10
602

303115

(К.СНСЦ.)